

терно: тот тоже жил и творил в переломный момент эпохи): «быть преданным нисколько не новей – / чем трупы в ямах. засыпать карболкой / и братьев меньших бить по голове / с сознанием исполненного долга»). Что, с одной стороны, есть какое-никакое, а утверждение преемственности, с другой – деконструкция/деформация указывает не только на следующий круг истории-спирали, но и на сам характер времени: форма сообщения уже есть некое сообщение.

В этом плане можно выделить несколько приёмов. Во-первых, отсутствие знаков препинания (кроме тире и многоточий в конце): как указание на недооформленность нового мифа (по принципу «казнить нельзя помиловать»), продолжающееся развёртывание его генезиса. Во-вторых, двойные пробелы между словами: тут не только намёк на музыкальный ритм, но и на дискретный характер современности (в ее движении) и атомизм как ее характерное свойство. В-третьих, все тексты поэта кончаются многоточиями: что это как не утверждение незавершённости, фрагментарности (в том плане, что любой текст может быть продолжен дальше)? И, наконец, в четвёртых, уже знаменитые (по крайней мере в определенных кругах) пантограммы: разложение слов на составные и уже самостоятельные слова (допустим: «ждет лета лорелея или рая / и мама пони чтобы пони мать»; или: «и бога нет вещает бога тырь – / евпатия на пати коловратя»), что а) придаёт высказыванию новые смыслы и б) фиксирует процесс распада некогда незыблемых ценностей (трансформация культурного кода).

Таким образом (по совокупности вышесказанных примет) поэзию Волкова можно определить как сугубо актуальную (по отношению ко времени) и одновременно идущую в русле (постмодернизм это позволяет) пусть и авангардной (от кубофутуристов с их практиками эпатажа и постсимволизма Поплавского до концептуализма Пригова и метаметафоризма Ерёмченко), а просодически так вообще классической (поэт свято блюдет эвфонический принцип) традиции. Вбирающую в себя сам дух времени (прежде всего – через форму фиксации) и транслирующую его уже через,

казалось бы, исчерпанные формы, давая им новую жизнь, как, например, в случае с книгой (как предметом), которая становится не только частью поэтического высказывания, но и предоставляет читателю выбор: читать или использовать как зеркало. Как часть натюрморта. В противу – «речи». У которой и не может быть большого числа поклонников: много званных, да мало избранных.

Илья СКЛЯРСКИЙ

ЧТО ПОЗВОЛЕНО НЕПТУНУ, НЕ ПОЗВОЛЕНО БЫКУ

Антон Секисов. Курорт. – М.: Альпина нон-фикшн, 2024 – 174 с.

Центральный герой повести Антона Секисова «Курорт» терял одну идентичность за другой, и вот уже словно бы утратил все. Почти сорокалетний Митя с перепутанными органами, релоцировавшийся на побережье грузинского городка К. Он отрешился от страны и национальности. Многонародность окружающих – и клиентов – заставила его отказаться от языковой моногамии. Митя отчасти лишился даже своего пола, ведь он вынужден зарабатывать на жизнь перепиской с донатерами от лица вебкам-модели Лизы Райской. Нет у Мити и идеалов, даже самых простых и нелепых, которые дали бы ему чёткое направление жизни.

Но эта беспочвенность как раз и делает Митю идеальным центром повествования. Он как губка, развёрнутая к миру порами, через которые можно рассмотреть нутро. В нутре Мити калейдоскопом отражаются все остальные герои повести, которым этически повезло больше, но эстетически меньше. С одной стороны, они имеют свои идеалы, помогающие удержаться на плаву и сохранить себя. Например, для Рената такой защитой от мировой стихии становится спорт, для Митиной жены Оли – комфорт, для Димы и Насти – конспирология, для Олега Степановича – грибы и Лиза Райская, и так далее. С другой стороны, взгляд на героев через призму ключевого компонента

их картины мира не всегда идёт им на пользу. Это овнешняет образы и делает их стереотипическими, а в случае, например, с Димой и Настей даже безвкусно карикатурными. Секисов взял на себя задачу в небольшом тексте изобразить все типы релокантов, и в погоне за этим превратил большинство второстепенных персонажей в картинку из учебника с реплайми из соцсети «Икс» на устах.

Благодаря этому, а также композиции повести, которая выстроена как серия взаимодействий Мити с разными проявлениями мира, с людьми, его населяющими, и с самим собой, художественной ценностью тот или иной герой обладает только тогда, когда через него мы можем что-то узнать о Мите. Как правило, речь идёт как раз об идеалах персонажей, с которыми Митя не солидаризируется, и таким образом апофатически определяется. Так как Митя является ещё и главным проводником ключевой темы повести, подобные взаимодействия с другими героями также помогают раскрыть её.

Тема взаимоотношений человека и стихии заявляется уже в одном из эпизодов экспозиции, когда Митя говорит со старым местным рыбаком Шуриком-Ладо. Тот, подобно другим героям, «молится своему богу», вот только в его случае это выражение должно употребляться без кавычек. Старый рыбак общается со стихией напрямую – он возносит молитвы Посейдону, а тот в ответ дарует богатый улов. Многократно подчёркивается древний вид Шурика-Ладо и его атрибутов, что указывает на непреодолимую дистанцию между ним и другими второстепенными героями, нарочито сегодняшними, нашими современниками. Современный человек уже не умеет обращаться непосредственно к стихии, и поэтому для защиты от неё ему приходится придумывать своих богов, таких как комфорт и спорт, которые,

безусловно, гораздо слабее, потому что могут только создавать иллюзию защиты.

Под стихией подразумевается не природа и не погода, а первородная материя, непредсказуемая и властная над человеком: «Жизнь на море зимой. Пространство, где почти нет людей, а цвета приглушены. Тут только ты и очищенная печаль. Просто сидеть и смотреть на стихию, на первобытный хаос. На великую бездну, которая однажды разверзнется. Привыкать к ней по чуть-чуть». Митя любит именно такое море, а не курортное, что говорит о его влечении к первобытным категориям. Растеряв всю идентичность, Митя лишился не человеческого облика, а следствий тысячелетнего развития культуры. Всё, что его интересует, отныне располагается в поле вневременных тем, как у древнего человека: отцовско-сыновние отношения, ревность, вожделиние, голод, ностальгический взгляд на детство.

Даже Посейдон признаёт в Мите «своего». Во время шторма пропадает объект иззаугольного вожделиния Мити – зеленеволосая девушка с сиба-ину. Отчаявшись в поисках, герой обращается к морскому богу с неконкретизированной молитвой: «Посейдон, ну пожалуйста!». Кажется, что это не приводит ни к какому результату, но на самом деле происходит главное: после этого Митя возвращается домой, не пострадав от катаклизма.

К сожалению, само явление релокации не получает в «Курорте» заслуженного осмысления, а становится всего лишь напрашивающейся плоской декорацией. Тему вебкама Секисов, напротив, преподносит остроумно, вот только этот мотив довольно быстро оказывается тоже всего лишь обслуживающим основную тему. Выходит, что автору, как и его герою Мите, больше идёт общение с вневременным хаосом водной пучины, чем с палящим солнцем сего дня.